БАЙКАЛ

Книга четвёртая: Вернулись домой

Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Байкал. Книга четвёртая: Вернулись домой

«Автор»
2026

Листвянов М.

Байкал. Книга четвёртая: Вернулись домой / М. Листвянов — «Автор», 2026

Заключительная книга серии отправляет повзрослевших друзей в долгоепутешествие через семь стран — чтобы вернуться туда, с чего всё началось. Этокнига о прощании и о том, что настоящая дружба не кончается с концом лета:звери и дети, однажды нашедшие общий язык на берегу самого древнего озерапланеты, несут эту дружбу через расстояния и годы. Тёплый, чуть ностальгическийфинал истории, начатой в «Жемчужине Сибири», — для читателей, которыепрошли с героями все четыре времени года Байкала и хотят увидеть, чемзакончится их путь.

© Листвянов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Глава 1. Байкал, который теперь всюду 7
Глава 2. Миллион просмотров 11
Глава 3. Книга вместо конспекта 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Матвей Листвянов
Байкал. Книга четвёртая: Вернулись домой

БАЙКАЛ
Книга четвёртая: Вернулись домой

Матвей Листвянов

Содержание

Глава 1. Байкал, который теперь всюду
Глава 2. Миллион просмотров
Глава 3. Книга вместо конспекта
Интерлюдия. Чемодан Феди
Глава 4. Два озера
Глава 5. Название для тишины
Интерлюдия. Скамейка Бориса
Глава 6. Статья, которую читает мир
Глава 7. Лось на рынке
Глава 8. Понял теперь
Интерлюдия. Открытка от Феди
Глава 9. Здание из памяти
Глава 10. Четвёртое лето

Глава 1. Байкал, который теперь всюду

Турбаза опустела в четверг, а к субботе тишина в ней стала такой плотной, что Аля, разливая чай по чашкам, из которых обычно пила компания в семь голосов, дважды поймала себя на том, что наливает лишнюю порцию — для Элли, для Мими, для кого угодно, кого рядом больше не было.

— Третий раз за два дня, — сказала она, выливая остывший чай обратно в чайник. — Пора бы уже привыкнуть, что их всего семеро, и что все семеро сейчас где-то в самолётах над разными океанами.

— Не привыкнешь, — сказал Степан, устроившийся у окна с трубкой, которую уже больше десяти лет держал в зубах незажжённой — для равновесия мысли. — Три года подряд привыкаешь к семерым. Потом три года подряд отвыкаешь. Тело быстрее сердца не бывает.

За окном моросил первый по-настоящему осенний дождь, и Байкал, обычно синий даже в пасмурную погоду, сегодня стоял серым, будто сам решил взять передышку после насыщенного лета.

Федя, деловито протиравший стол в опустевшей столовой, остановился с тряпкой в лапах, прислушиваясь к разговору взрослых с тем особым вниманием, с каким слушают все важные разговоры дети, которым кажется, что их не замечают.

— А они правда вернутся через год? — спросил он вдруг. — Не просто на словах, а по-настоящему?

— Через год — на Байкал, — уточнила Аля. — А до того — по-своему, каждый у себя дома. Хотя, если верить вчерашнему разговору за ужином, домом это теперь называть немного сложнее, чем раньше.

Василий, сидевший у входа с блокнотом наблюдений, поднял голову.

— Симба перед отъездом сказал мне, что не знает, куда теперь класть Байкал в собственной голове, — сказал он сухо. — Раньше там было простое деление: саванна дома, Байкал в отпуске. Теперь граница стёрлась, и он не уверен, что рад этому, хотя, кажется, рад.

— У Раджи было похоже, — добавила Глафира, появившаяся в дверях с неизменной чашкой чая и стопкой каких-то бумаг под мышкой. — Он сказал мне буквально следующее: «Я приезжал искать тишину здесь. Теперь боюсь, что придётся научиться носить её с собой, а это куда труднее, чем найти готовую тишину на месте».

— Философ до последней минуты, — сказал Михаил с усмешкой, входя с улицы, отряхивая с шерсти дождевые капли. — А по мне так всё проще. Скучаю по конкретным семерым бездельникам, которые ели мою уху и путали лапы с копытами весь август. Философия — это уже потом, для тех, у кого есть на неё время.

— У тебя тоже есть время, — заметила Нёко, входя следом за ним со своим неизменным блокнотом для песен. — Просто ты предпочитаешь тратить его на ворчание, а не на рассуждения. Каждому своя форма тоски.

Михаил фыркнул, но спорить не стал — что само по себе было для него редкостью.

Борис, устроившийся в углу с очередным чертежом — на этот раз не батискафа, а чего-то попроще, похожего на обычную скамейку, — неожиданно заговорил, не отрываясь от карандаша:

— Знаете, что я заметил? За три года мы столько раз провожали их с мыслью «ну вот, всё, закончилось», и каждый раз оказывалось, что не закончилось, а просто сделало паузу. Начинаю подозревать, что паузы — это и есть основная форма, в которой существует наша дружба. Не встречи. Паузы между ними, заполненные ожиданием следующей встречи.

— Тогда это хорошая форма, — сказала Аля, садясь за стол вместе со всеми со своей чашкой чая, которую на этот раз никому не пришлось делить. — Не самая частая. Но хорошая.

Разговор прервал скрип половиц наверху — Заяц Федя, воспользовавшись паузой в общем внимании, взбежал в свою комнату и вернулся с потрёпанным календарём, в котором аккуратным, чуть неровным почерком были заранее отмечены крестиками все дни до следующего лета.

— Я считаю, — сказал он, слегка смущаясь всеобщего внимания. — Дождаться я, конечно, тоже хочу. Но больше нравится видеть, сколько дней уже прошло, а не только сколько осталось.

— Разумный подход к ожиданию, — одобрила Глафира. — Большинство считает только то, что осталось, и потому чувствует себя несчастным весь срок. Ты считаешь и то, что уже позади, — а значит, у тебя есть повод для радости с самого первого дня, а не только в последний.

За окном тем временем дождь начал стихать, и в разрыве туч на мгновение мелькнуло неяркое осеннее солнце, тронувшее серую воду озера полосой блёклого золота, — и Степан, поднявшись со своего места у окна, неторопливо договорил то, что обдумывал, судя по всему, всё утро.

— Знаете, что странно, — сказал он. — Раньше Байкал жил здесь, а гости приезжали к нему в гости. Теперь получается наоборот. Байкал сам разъехался по семи странам, в головах у семерых зверей, и живёт там теперь, а мы здесь просто храним оригинал на случай, если кому-то захочется свериться с подлинником.

— Красиво сказано для лося, который обычно ограничивается одним словом в час, — заметила Аля с тёплой усмешкой.

— Я коплю слова, — невозмутимо ответил Степан. — Как ты копишь чайные листья на зиму. Расходую редко, зато по делу.

Дни без гостей потекли своим особым чередом — совсем не так, как поначалу опасалась Аля: будто турбаза, отдохнув от многолюдного лета, наконец вспомнила собственный, независимый от туристов ритм.

Михаил и Василий в один из таких дней отправились считать сети вдвоём — давняя обязанность, которую последние несколько лет они выполняли порознь, каждый по своему берегу, стараясь по возможности не пересекаться, чтобы старый спор рыбака и эколога не разгорелся заново по мелочи.

— Почти тринадцать тысяч тонн, — сообщил Василий, сверяясь с последней сводкой института, которую ему прислали по электронной почте. — Омуля. Больше, чем было три года назад, когда мы впервые об этом заговорили с гостями.

— Я и без сводки чувствую, — проворчал Михаил, вытягивая сеть с заметно большим уловом, чем в прошлые годы. — Раньше от пустой сети настроение портилось на весь день. Теперь ворчу по привычке, а сам радуюсь, только виду не подаю.

— Запрет сработал, — отозвался Василий с той сдержанной удовлетворённостью, с какой обычно оценивал любые изменения в природе, — потому что вы, рыбаки, всё-таки его соблюдали, а не только я, эколог, о нём кричал на каждом углу.

— Не подлизывайся, — фыркнул Михаил, впрочем, не без тепла в голосе. — Мы оба знаем, кто из нас кричал громче, а кто терпеливее ждал результата.

Они закончили обход к обеду, и, усевшись на берегу перекусить захваченными с собой пирогами Али, ещё долго молчали вдвоём, глядя на воду, — молчание это, в отличие от прежних лет, стало спокойным молчанием двух зверей, уставших спорить о том, в чём давно сошлись на практике.

— Скучаешь по ним? — спросил вдруг Михаил, не уточняя, кого имеет в виду, — оба и без уточнения прекрасно понимали.

— По-своему, — ответил Василий. — Не по шуму. По вопросам. Забыл уже, когда в последний раз кто-то спрашивал меня, зачем вообще нужен волк в экосистеме, кроме как пугать зайцев.

— Через год спросят снова, — заверил его Михаил. — Байкал никуда не денется, и любопытные звери тоже, помяни моё слово.

Первые вести пришли уже через неделю — короткой видеосвязью посреди ночи, на которую турбаза, привыкшая за три года к самому разному расписанию гостей, отреагировала на удивление спокойно: Аля просто перенесла ноутбук на кухню, чтобы не будить остальных, и вызов принимала уже в одиночестве, за чашкой чая, слушая голос из динамика с той же жадностью, с какой в детстве слушала бы редкое письмо с другого конца света.

— Это Нёко должна услышать первой, — сказала Мими из динамика, с трудом сдерживая ликование в голосе, хотя время у неё было явно позднее токийского вечера, а голос звучал так, будто она не спала уже сутки. — Просто хочу, чтобы кто-то на другом конце Земли знал прямо сейчас, пока я ещё сама не до конца в это верю.

Аля тихо позвала Нёко, разбудив её без особых извинений, — и та, ещё сонная, но мгновенно посвежевшая при виде экрана, устроилась перед ноутбуком, кутаясь в плед.

— Что случилось? — спросила она по-русски, а потом, спохватившись, повторила вопрос неуклюже, но старательно на японском, которому за три поездки успела нахвататься ровно столько, сколько нужно, чтобы удивить собеседника и рассмешить саму себя.

Мими рассмеялась, услышав акцент, и весь дальнейший разговор потёк причудливой смесью двух языков и жестов, в которой обе прекрасно друг друга понимали, хотя сторонний наблюдатель не разобрал бы и трети сказанного.

— У меня получилось, — сказала наконец Мими, уже не пытаясь подбирать слова аккуратно. — То, что я сняла у вас летом — про озеро, про нерпу, про всех вас, — оно... взлетело. Не как обычно взлетают мои ролики. По-настоящему.

— Расскажешь подробно, когда мир вокруг тебя перестанет вращаться так быстро, — посоветовала Нёко с тёплой улыбкой. — А пока просто радуйся. Заслужила.

Отключив вызов, Нёко ещё долго сидела на кухне, не зажигая света, слушая, как где-то на озере плещется вода о деревянные сваи причала, — а потом достала собственный блокнот и вывела в нём одну короткую строчку, которую собиралась когда-нибудь превратить в песню, если получится подобрать верную мелодию: «Мы отпустили их по одному, а они вернулись сразу все, просто не телом».

Ещё через несколько дней, разбирая накопившиеся за три года коробки с фотографиями, Аля и Глафира устроили на кухне целый вечер воспоминаний, раскладывая снимки по годам прямо на клеёнке обеденного стола, — снимок семерых на закате в первый вечер знакомства, снимок Симбы в пяти шарфах на морозе, снимок всей компании у батискафа минувшим летом.

Один из снимков — горностай на льду рядом с орланом на присаде — заставил обеих ненадолго замолчать.

— От Аси с Ефимом давно вестей не было, — заметила Аля, разглядывая снимок чуть дольше остальных. — Надо будет черкнуть им пару строк зимой, когда снова похолодает — самое время для весточки с той стороны льда.

— Помнишь, как Зара в первый день мерила прозрачность воды буквально на глаз, не веря ни единому слову Степана про сорок метров? — со смехом спросила Аля, разглядывая один из самых старых снимков.

— Помню, — подтвердила Глафира. — А ещё помню, как она же потом сама объясняла эту цифру журналистам у себя в Найроби, будто открыла её лично. Забавно, как быстро чужое знание становится собственной гордостью, стоит только проверить его руками, а не поверить на слово.

— Две тысячи километров береговой линии, — добавила Аля, вспоминая ещё одну цифру, которую Степан не раз повторял гостям за эти годы. — Раньше мне казалось, что это просто красивое число для брошюры. Теперь, глядя на этих снимки, я понимаю, что за каждым отдельным метром этой линии — чья-то отдельная маленькая история, которую мы даже не успели услышать целиком.

— Вот в этом, кажется, и состоит вся наша работа, — заметила Глафира, аккуратно убирая снимки обратно в коробку. — Помочь каждому, кто приезжает, найти свой собственный метр этой линии, который станет для него важнее прочих. Измерить озеро целиком — задача для приборов, не для гидов.

Так началась первая из семи историй, которым предстояло разойтись по семи разным концам света в течение следующего года, — истории о том, что происходит, когда однажды увиденное однажды озеро отказывается оставаться просто воспоминанием и начинает требовать себе места в настоящей, повседневной жизни.

* * *

Глава 2. Миллион просмотров

Ёжик Кен, лучший друг Мими с детского сада, вошёл в её крошечную токийскую квартиру с тем выражением лица, с каким обычно приходят исполнить неприятную, но необходимую обязанность.

— Я посмотрел, — объявил он с порога, аккуратно складывая иголки, чтобы не зацепить дверной косяк. — Всё двадцать три минуты. Даже перемотал назад один момент, когда мне показалось, что послышалось.

— И? — Мими замерла с телефоном в лапе, волнуясь за реакцию одного-единственного зрителя сильнее, чем за все три миллиона подписчиков вместе взятых.

— Озеро — это озеро, — сказал Кен со свойственной ему упрямой невозмутимостью, за которую Мими одновременно любила и хотела иногда стукнуть его чем-нибудь мягким. — Вода, камни, рыбы. У нас тоже есть озёра. Не понимаю, что все так взволновались.

— Кен.

— Что?

— Ты плакал на двенадцатой минуте. Я видела твоё лицо через отражение в окне, пока сама снимала твою реакцию для сторис.

Кен на мгновение застыл, затем шумно фыркнул, отгоняя обвинение с достоинством, которое давалось ему явно не без труда.

— Пыль попала, — сказал он твёрдо. — Двенадцатая минута — как раз момент с нерпой на льдине, там свет резкий, у меня аллергия.

— На двенадцатой минуте нерпа плавает в открытой воде, безо льда, — возразила Мими с растущей улыбкой. — Ты запомнил не тот момент, потому что торопился придумать оправдание.

Кен замолчал на добрых десять секунд — редкий подвиг для существа, обычно готового спорить по любому поводу до последнего вздоха.

— Ладно, — признал он. — Может быть, немного тронуло. Не озеро само по себе. То, как ты это сняла. Как будто ты сама была там не гостьей с камерой, а кем-то, кому там правда рады.

Именно это признание Мими пересказывала уже третий день подряд, и дело было вовсе не в тщеславии — для неё, снимавшей тысячи роликов подряд без единого сомнения в собственном таланте, слова самого упрямого скептика в её жизни весили больше, чем миллион анонимных просмотров, обрушившихся на канал за одну ночь.

Ролик — двадцать три минуты вместо привычных полутора, без единого перехода-эффекта, без музыки поверх кадра там, где хватало настоящих звуков воды, — она выложила почти случайно, устав редактировать очередной короткий формат и решив «просто показать как есть, раз в кои-то веки». Алгоритм платформы, привыкший продвигать динамичные пятнадцатисекундные вспышки, поначалу проигнорировал длинное, неторопливое видео так же, как проигнорировал бы дневник наблюдений Глафиры. А потом что-то щёлкнуло — то ли случайный показ нужному зрителю в нужный момент, то ли просто усталость мира от собственной суеты, — и за одну ночь счётчик просмотров вырос настолько, что Мими, проснувшись утром, полминуты просто смотрела на цифру, не веря собственным глазам.

— Миллион, — прошептала она сама себе, а потом громче, будто проверяя слово на прочность вслух: — Миллион!

Сам ролик она собирала несколько бессонных ночей подряд — из сотен часов отснятого за три поездки материала, пылившегося на внешних дисках без единого шанса когда-либо попасть в готовый монтаж, потому что привычный формат коротких роликов попросту не оставлял места для долгих планов, где ничего не происходит, кроме тишины и света на воде.

— Обычно я вырезаю паузы, — сказала она Кену, показывая черновую версию ещё до публикации. — Зрителю ведь скучно смотреть, как вода просто плещется, ничего не делая специально для камеры. А тут я вдруг подумала: может, я просто никогда не пробовала дать зрителю время самому вглядеться, вместо того чтобы каждые три секунды подсовывать ему новую картинку.

— И что, оставила паузы? — уточнил Кен с сомнением, зная привычки подруги.

— Оставила, — подтвердила Мими. — Целых сорок секунд подряд — только вода, свет и голос Нёко за кадром, поющей у Шаманки. Мне казалось, это самоубийство для канала. Судя по счётчику повторных просмотров, именно этот отрывок люди включают заново чаще любого другого.

Продюсер небольшой токийской студии, куда Мими иногда сдавала материалы для местного телеканала, позвонил ей уже к обеду с предложением показать полную версию на большом экране — в маленьком, но настоящем кинозале, куда обычно приглашали только для премьер студийных документальных фильмов, а не для роликов блогеров.

Зал в вечер показа собрал едва ли не полторы сотни зрителей — больше, чем Мими ожидала для будничного вторника, — и когда на экране появилась сцена, снятая ещё в прошлом году, где нерпа, вынырнув у самого борта лодки, вдруг замерла и посмотрела прямо в объектив камеры дольше, чем позволяют законы случайности, зал притих настолько, что стало слышно, как кто-то в третьем ряду сдавленно всхлипывает.

Мими, сидевшая в последнем ряду, чтобы не смущать зрителей собственным присутствием, узнала этот всхлип — Момо, ещё одна подруга детства, обычно не сентиментальная настолько, чтобы плакать даже на свадьбах.

После показа, когда зал уже опустел, Момо разыскала Мими у выхода и обняла её крепче, чем требовала обычная вежливость.

— Я никогда не была там, — сказала она тихо, всё ещё вытирая глаза. — Никогда не видела этого озера своими глазами. Но пока смотрела, мне казалось, что я стою прямо на берегу, и вода холодная, и пахнет хвоей, и рядом со мной кто-то, кто рад меня видеть, хотя не должен быть рад незнакомке из другого конца света.

— Это озеро всех делает не совсем незнакомцами, — сказала Мими, сама удивляясь, насколько уверенно это прозвучало из её уст, привыкших чаще шутить, чем произносить что-то похожее на истину. — Я и сама не сразу это поняла. Мне казалось, что я еду снимать красивые виды. Оказалось, я еду искать место, которое согласится принять меня такой, какая я есть, без правки и без фильтра.

Комментарии под роликом за следующую неделю выросли в отдельную небольшую вселенную — люди спрашивали в основном про озеро — редко про саму Мими, обычно центр её контента: правда ли там настолько чистая вода, что видно дно на глубине сорока метров, правда ли нерпа — единственный в мире тюлень, который живёт исключительно в пресной воде, и, чаще всего, — правда ли, что человеку разрешат туда когда-нибудь съездить самому, а не только смотреть чужие ролики.

— Мне ещё никогда не задавали столько вопросов не обо мне, — призналась Мими Кену через несколько дней, листая бесконечную ленту комментариев с тем изумлением, которое пока не думало проходить. — Обычно спрашивают, где я купила куртку или какой у меня любимый цвет. А тут — про минерализацию воды. Про рачков, которые фильтруют озеро на три миллиона штук на каждый квадратный метр. Кто-то в комментариях даже поправил мою собственную цифру — написал, что рачков ещё больше, если считать по всей глубине, а не только у поверхности.

— Значит, ты сняла что-то по-настоящему своё, — заметил Кен, не пытаясь больше скрыть одобрение за напускной строгостью. — Люди спрашивают про озеро. Обычно спрашивают про тебя. Это разница, которую стоит запомнить.

— Ты серьёзно меня хвалишь? — переспросила Мими с подозрением. — Без единой оговорки?

— Не привыкай, — быстро предупредил Кен. — Это разовая акция. Обычная норма поведения возобновится завтра же с самого утра.

Мими рассмеялась, а потом, не удержавшись, показала ему последнюю строчку сообщения, только что пришедшего от подписчицы из соседнего города: девушка писала, что уже забронировала билет до Иркутска на следующее лето и хочет знать, стоит ли брать с собой тёплую куртку даже в июле.

— Скажи ей — да, — посоветовал Кен неожиданно серьёзно. — И заодно узнай расписание рейсов на следующий год. Не для неё. Для меня.

Мими медленно опустила телефон, глядя на друга так, будто он только что признался в чём-то куда более серьёзном, чем интерес к расписанию авиакомпаний.

— Ты хочешь поехать, — произнесла она утвердительно, без малейшего вопроса в голосе. — Ты, который весь этот год повторял «озеро — это озеро»?

— Озеро остаётся озером, — упрямо подтвердил Кен, хотя уши у него предательски порозовели. — Просто, кажется, мне надоело быть единственным из моих знакомых, кто ни разу не видел это конкретное озеро своими глазами, а не через твою камеру. Считай это научным любопытством, а не сентиментальностью.

Спустя несколько дней местное телевидение пригласило Мими на короткое интервью — формат, к которому она никогда прежде не относилась серьёзно, привыкшая считать телевизионные студии слишком медленными и слишком официальными для её обычного темпа работы.

Ведущая, лисица средних лет с безупречно поставленным голосом, задала вопрос, показавшийся Мими поначалу совсем простым.

— Что изменилось в вас за эти три поездки? — спросила она. — Вы ведь начинали как блогер, снимающий себя на фоне красивых видов. Теперь снимаете виды, в которых почти нет вас самой.

Мими задумалась дольше, чем позволял формат короткого интервью, и ведущая, заметив паузу, из вежливости не стала торопить гостью.

— Наверное, я перестала бояться, что без меня в кадре ролик никому не будет интересен, — сказала она наконец. — Раньше мне казалось, что зрителя удерживает моё лицо, мои шутки, моя реакция. Байкал показал мне, что иногда зрителя удерживает само место, если дать ему время его разглядеть. Я всё ещё в кадре время от времени. Просто больше не единственная причина смотреть до конца.

— Смелое признание для блогера с тремя миллионами подписчиков, — заметила ведущая с уважением.

— Не такое уж смелое, — возразила Мими с улыбкой. — Скорее облегчение. Оказывается, не обязательно быть самым ярким пятном в каждом кадре, чтобы людям было интересно смотреть дальше.

Мими кивнула ведущей с широкой улыбкой, уже против воли соскальзывая мыслями совсем в другую сторону — к списку подарков, которые в следующий раз нужно будет привезти не только Нёко, но и целому ёжику, впервые за всю жизнь готовому сдвинуться с места ради чего-то большего, чем привычка.

* * *

Глава 3. Книга вместо конспекта

Лекционный зал Пекинского университета вмещал сто двадцать студентов. Курс по пресноводной экологии Бао вёл из года в год, и треть пустующих мест давно стала для него такой же привычной деталью аудитории, как собственная кафедра, — предмет считался важным для программы, но не тем, ради которого пропускают завтрак.

Сегодня свободных мест не было вовсе: часть студентов устроилась прямо на ступеньках между рядами, а декан факультета, дракон по имени Лун, известный на кафедре скорее строгостью, чем сентиментальностью, лично пришёл проверить, что происходит, и остался стоять у двери до самого конца лекции.

Бао, разложив на кафедре привычную стопку конспектов — те же таблицы солёности, те же графики температур, что он читал уже пять лет подряд без единой правки, — вдруг остановился, оглядел зал и, к собственному удивлению, отложил бумаги в сторону.

— Простите, — сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. — Кажется, сегодня я хочу рассказать это иначе.

Он не помнил впоследствии, в какой именно момент перешёл от сухих цифр к рассказу о том, как впервые увидел живую рыбу без единой чешуйки — прозрачную настолько, что сквозь тело читался собственный скелет, — и как эта рыба, назвавшаяся Люсей, объяснила ему прямо в тесной кабине батискафа на глубине пятисот метров, что прозрачность — не уязвимость, а экономия сил. Он помнил только, что где-то на середине рассказа заметил в зале абсолютную, необычную тишину — ту тишину, которая случается, когда сто двадцать студентов одновременно забывают о телефонах в карманах.

— Профессор Бао, — подняла руку студентка с первого ряда, когда он наконец сделал паузу перевести дух, — а это правда, что рачки в этом озере фильтруют всю воду целиком, каждую каплю, снова и снова?

— Три миллиона рачков на каждый квадратный метр толщи воды, если считать по всей глубине, — ответил Бао, наконец вернувшись к привычным цифрам, но произнося их теперь совсем иначе, чем прежде, — как часть истории про существо по имени Эпик, тараторившее быстрее, чем успевал соображать собственный слушатель. — Вместе они прогоняют через себя объём, которого хватило бы, чтобы очистить озеро полностью за несколько лет, если бы им позволили работать без остановки. Хотя, признаться, они и без разрешения не останавливаются никогда — даже подо льдом, даже зимой.

Студент с задних рядов, обычно молчаливый на всех предыдущих занятиях, поднял руку почти сразу после первого вопроса про рачков и, дождавшись разрешения, спросил о том, что Бао меньше всего ожидал услышать на лекции по пресноводной экологии.

— Профессор, а вам не было страшно спускаться на пятьсот метров в такой тесной капсуле?

Бао задумался всерьёз, впервые пытаясь вспомнить собственный страх, а не только собранные тогда данные.

— Было, — признался он. — Первые минуты — очень. Потом стало интереснее бояться, чем просто бояться, если это вообще можно так сформулировать с точки зрения науки. Страх никуда не делся до самого конца погружения. Просто рядом с ним поселилось ещё кое-что, гораздо более сильное.

— Любопытство? — предположила студентка из первого ряда.

— Восхищение, — поправил Бао после паузы. — Разница небольшая, но для меня в тот момент существенная.

Ещё один студент, до этого сосредоточенно листавший методичку, вдруг закрыл её и отложил в сторону с решительным видом.

— Профессор, а можно с вами поехать? В следующий раз, когда вы туда отправитесь? Я готов быть кем угодно — носить оборудование, вести записи, что скажете.

Зал одобрительно зашумел, и Бао, поймав себя на непривычной для себя растроганности, ответил не сразу.

— Я поговорю с деканом насчёт студенческой практики, — пообещал он. — Институт принимает исследователей не первый год. Может быть, найдётся место и для стажёра.

К концу лекции, растянувшейся на сорок минут сверх расписания, никто не ушёл раньше времени — редкость, которую Бао в своей преподавательской карьере видел ровно ноль раз до этого дня.

Декан Лун задержал его после занятия у выхода из аудитории — жест, который на факультете обычно предвещал либо выговор, либо повышение, третьего не давалось.

— Вы написали поэзию вместо монографии, — сказал дракон, разглядывая Бао с непривычным прищуром. — Формулы были. Стихи тоже были. На этой кафедре смешивать эти два жанра запрещено моим собственным строгим правилом — считается, что это размывает научную строгость.

— И что вы решили насчёт сегодняшнего нарушения? — осторожно уточнил Бао, готовясь к худшему.

— Решил, что это, вероятно, лучшая монография в истории нашего факультета, — сказал Лун после паузы, за которую Бао успел мысленно пересчитать все возможные дисциплинарные последствия. — При условии, что вы согласитесь оформить её в виде настоящей книги, а не разового отступления от программы. У издательства при университете как раз освободилось место в списке публикаций на будущий год.

Контракт, подписанный неделей позже, предполагал не научную монографию с обязательными сносками на каждой странице, а нечто среднее между научно-популярной книгой и личным дневником — жанр, для которого у издательства даже не нашлось сразу подходящей полки в каталоге.

Первую главу — про голомянку, ту самую, о которой Глафира обещала прислать наброски ещё летом, — Бао написал и переписал четыре раза, каждый раз недовольный тем, что либо слишком сухо для истории, либо слишком лирично для науки.

Пятый вариант он решился показать самой Глафире — по видеосвязи, поздно вечером по пекинскому времени, когда на турбазе только начинало смеркаться.

— Читаю, — коротко предупредила Глафира, надевая очки на переносицу с той же торжественностью, с какой обычно проверяла результаты многолетних наблюдений.

Бао читал вслух, стараясь не подглядывать в камеру за реакцией собеседницы, пока не дошёл до строчки, которую сам считал самой уязвимой во всём тексте: «Быть прозрачной значит не иметь секретов, — сказала она, и в этой фразе было больше правды о жизни, чем в любом учебнике, который я читал студентам последние пять лет».

Глафира помолчала несколько долгих секунд, за которые Бао успел пожалеть о собственной смелости раз десять подряд.

— Одна цифра неверна, — сказала она. — Вы написали, что глубина погружения составила четыреста метров. Было пятьсот. Проверьте бортовой журнал, если не верите мне на слово.

— Исправлю, — торопливо пообещал Бао, уже открывая документ для правки.

— А в остальном, — добавила Глафира, снимая очки с той же неторопливостью, — хорошо.

Для любого другого редактора это прозвучало бы прохладной, почти безразличной оценкой. Бао, проработавший с профессором Глафирой не первый год, знал цену этому слову лучше, чем цену любой оценке «отлично», выданной менее взыскательным судьёй.

— Спасибо, — сказал он, чувствуя, как непривычное тепло разливается где-то в груди сильнее, чем от целого зала аплодирующих студентов. — Для вас это, если не ошибаюсь, эквивалент высшей похвалы.

— Не обольщайтесь раньше времени, — предупредила Глафира, впрочем, с тенью одобрения в голосе, которую даже она не пыталась до конца скрыть. — Хорошо — значит хорошо. Не значит идеально. У вас впереди ещё одиннадцать глав, панда, и я намерена прочитать каждую с тем же вниманием, с каким проверяю собственные данные перед публикацией.

— Я бы не согласился ни на что менее строгое, — признался Бао совершенно искренне.

Издательство, готовя обложку будущей книги, прислало Бао на согласование сразу три варианта макета — один строгий, академический, с одним лишь названием на однотонном фоне; другой яркий, туристический, с фотографией нерпы крупным планом; и третий, промежуточный, соединявший фотографию с простой, неброской типографикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.